

НОЧЬ НА ИВАНА КУПАЛУ

Был у одного богатово опришника холоп кабальный в чине кэптэна. Вот и вздумал энтот холоп на Ивана Купалу, в самую ночь, сходить в лес, сорвать папоротник, штобы тож разбогатеть. Дождася он энтой ночи, уложил опришника спать и в ближе к полуночи отправился в лес.

Подходить к лесу. И тут на опушке раздался шум, гам, свист, треск, хохот. Энто испытывали квадрокоптер, попом освящённый, в качестве нашево высокотехнологичново ответа на ихние санкции. Так и случилось последовательно: шум пропеллеров при запуске, гам – када завис на подсветке, потом свист – чё-то случилось не то, потом треск – энто квадрокоптер с ускорением брякнулся об дуб и разлетелся на мелкие детальки, наконеци хохот всякой нечисти в заключение. Жутко кэптэну стало, но он ничево, попёр прямо в чащу. Глядить – сам министр по басурманским связям на индейском петухе верхом едет. А за им ведьмочка – голая, как правда – на метле поспешат, следы норовить заместь. И энто бы ничево: прошёл мимо их кэптэн – слова не сказал.

Долго шёл, недолго, вдруг зрить: растёт на поляне цветок, сияить, кубыть как уголёк на стебельке тлеить, а вокруг папоротник.

Обрадовался кэптэн, бегом туда побёжал, но тут на ево набросился отряд молодогвардейцев, которыя подрядились лес очищать от нежеланных народных монстраций: хто за полу дернеть, хто дорогу загородить, а хто и по уху треснить – в порядке, провокации, значить. Кэптэн было не поддался и уж пошти добёжал до цветка, но не стерпел да ка-акк ругнёт молодогвардейцев:

– Чур на вас, – кричить, – холоуи проклятые! Кому, безголовыя, служите?

Энтот риторический вопрос остался, конечно, без ответа, но кэптэна нашево назад отбросило.

Делать неча, поднялся он, опять пошёл, видить: на прежнем месте блестить цветок. А на пути к ему – костерок. Через ево девка, тоже голая, прыгаить по народному поверью. Холоп, конечно засмотрелся, но тут как раз дьяки из Роскомпозора понабежали, стали ея забрыливать, а потом народ голый прямо из

фильма Тарковсково стал бегать туды-сюды. Дьяки стали их тоже забрыливать и замыливать с упорством, достойным луччево примененья – што с их взять, черти да и тока, стыдоба беспросветная.

Кэптэн в суматохе прорвался к папоротнику, нагнулся, ухватил пару стебельков, рванул, глядит – вместо цветка рога у главново дьяка оторвалися. Дьяк взвыл и как заорёт:

– А подать сюды ключи от Телеграфа, так как наши ужо и почту и телефон заняли, особливо все здания со щитом и мечом, парламент и, главно, Кремль!

А ништо ему ключики-то и не отдаёт, точь-в-точь, как в одноимённом к/ф «Гараж». Застонал главный дьяк из Роскомпозора на весь лес заорал благим матом:

– А срубить тада последний сук!

Тут все дьяки обхватили сук, на котором сами же и сидели, и стали ево пилить с остервенением.

Не вытерпел холоп:

– Тьфу на вас, черти безмозгляя!

Не успел плюнуть, ево обратно отбросило. Убился больно, да делать неча.

Он упорный был – встал, пошёл. Блестить цветок на прежнем месте. Тут кэптэна нашево стали дёргать работники Уралвагонзавода:

– Ну ты, пошли толканём, у нас вагон «Амата» не едит! Противоядерный! Пошли, премия горить! Вот как всеобще разоруженье наступить – што тада исть будем?

– А идите вы с вашей «Аматой» знаете куда? – заорал кэптэн и сорвал цветок в папоротником.

Пустился он со цветком домой бежать, про боль забыл. Уж на какие тока чёртовы хитрости ни пускалися молодогвардейцы и дьяки! И задабривали, и в Басманный суд грозилися сдать, как режиссёра Бессеребренникова – ничево! Кэптэн бежить, ни на что не глядит – раз десять упал, пока домой прибежал.

Прибегаить к дому, а из калитки опришник ево выходить и давай ругацца на чём свет стоить:

– Так и так! Иде ты был, бездельник? Как посмел?

Злой был хозяин у холопа, собачья голова у седла приторочена, вся провоняла. Делать неча, повинился кэптэн.

– Виноват, – говорить, – за папоротником ходил, штоб вместе с вами, товарищ полковник, разбогатеть.

Опришник сказал примирительно:

– Лады, давай сюды. Я ваще-то богатый, у мене по квартирам нескока грузовиков валюты рассовано – общак наш, туды ево за загривок. Но с папоротником я ишо пуще разбогатею – вот с тобой и поделюся.

Кэптэн и тому рад. Подал папоротник – и враз провалился опришник сквозь землю. Тут и петухи пропели.

Глянул кэптэн кругом – стоить один. Удивился бедняга, побрёл в дом. Приходить, смотреть – а опришник ево дрыхнить, как ево и уложили. Покряхтел холоп, потужил, да и остался ни с чем – тока с синяками.